

КИРИЛЛ МАЛЕН

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

Иронический детектив

Кир Мален

Квартирный вопрос

<https://litres.ru/74489418>

SelfPub; 2026

Аннотация

Антон Викторович Нащокин - бухгалтер из маленького города.

Невысокий, в очках, в куртке на размер больше. Варит борщ по вторникам и не умеет говорить «нет». Он не детектив. Он просто замечает то, что другие пропускают мимо: облупленные объявления, замазанные номера телефонов, семь лоскутков неба между проводами. И руку, которая подсыпала яд в стакан. Его память странная. Она цепляется за детали - и не отпускает. Люди ему доверяют. Не потому, что он умный. Не потому, что он смелый. Просто от Антона Нащокина невозможно утаить секрет - он сам настолько открыт, что отдавать ему правду кажется единственно верным.

Содержание

Глава 1. Приглашение на ужин	4
Глава 2.Общий счёт	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Кир Мален

Квартирный вопрос

Глава 1. Приглашение на ужин

Антон Викторович Нащокин испытывал стойкую антипатию к двум вещам: резким звукам и чувству невыполненного долга. В тот вечер судьба, с присущим ей чёрным юмором, подкинула ему и то, и другое.

Всё началось с супа. Точнее, с его отсутствия. Антон помешивал в кастрюле остатки вчерашних щей, с тоской думая о свежей сметане, когда раздался звонок в дверь. Не современный, короткий, а долгий, дребезжащий, будто звонили не в квартиру, а в его голову. Кот Марат, обычно равнодушный ко всему, кроме корма, поднял голову и уставился на прихожую с выражением глубочайшего неодобрения.

За дверью стояла тётя Люся. Родственной связи между ними не было, но она являлась старшей сестрой его бывшей арендодательницы, у которой он снимал комнату лет семь назад. Этой исторической связи хватало, чтобы раз в полгода тётя Люся звонила и просила о «малюсенькой услуге». Отказать ей было физически невозможно. Её голос вибрировал скорбью всех женщин, чьи пироги не поднялись, а взгляд вызывал чувство вины у памятника.

- Антоша, родной, - вздохнула она, минуя формальности.
- У меня просьба. В Москву тебе.

Москва для Антона была не столицей, а болезненным скоплением людей, метро и неотложных дел. Он инстинктивно съёжился.

- В Москву, тётя Люся, я только раз в год, по работе...
- Вот именно! - подхватила она, словно он сам нашел решение. - Ты же человек ответственный. Бухгалтер. И у тебя там квартира есть, у моей Гали, в центре. Она на три дня в санаторий уехала, а в её комнату... водят экскурсии.

Антон моргнул за толстыми стёклами очков. - Какие экскурсии? - Коммунальные! - прошептала тётя Люся, оглядываясь на пустой подъезд. - Галя живёт в историческом доме, там всё аутентичное - общая кухня, коридор в полкилометра, соседи. Одна контора водит туда иностранцев - посмотреть на «подлинный русский быт». Гале за это деньги платят. Но она уехала, а группа завтра. Ключи передать, встретить, объяснить. Ты же не опозоришь, ты интеллигентный.

Логика была железной: раз не опозоришь - значит, должен. Антон попытался издать звук «но...», но тётя Люся уже вложила ему в ладонь тяжёлую связку ключей, обмотанную изолентой, и клочок бумаги с адресом.

- Поезд завтра в семь. Ты ведь не откажешь?

Он не отказал. Он никогда не отказывал. Через сутки Антон Нащокин, с чемоданом на колёсиках и с чувством глубокой несправедливости, стоял в полумраке парадной дома

позапрошлого века недалеко от Чистых прудов. Пахло старой штукатуркой, тлëной капустой и пылью. Под ногами хрустывала мозаика, стены украшала осыпающаяся лепнина. Где-то наверху хлопнула дверь, и эхо покатилося по лестничной клетке.

Квартира 12 встретила его длинным, тёмным коридором. Семь дверей. Из-за одной лилась бесконечная пианинная гамма. Из-под другой пахло лекарственной настойкой и жареным луком. Антон, сверяясь с запиской, нашёл нужную дверь - последнюю слева. Открыл.

Комната Гали оказалась уютной берлогой, заставленной книгами и завешанной вязаными салфетками. Он поставил чемодан, кивнул фотографии сурового кота на комод и сел на кровать. Тишина, которую лишь подчёркивало назойливое пианино, была густой и чужой. Он чувствовал себя посторонним телом в сложном, давно сформировавшемся организме.

Вечером, когда он попытался вскипятить воду на общей кухне, организм проявил себя в полной мере.

Кухня была царством хаоса и жëстких границ. На столе - семь разных солонок. На плите - четыре конфорки, каждая со своей, намертво прикипевшей сковородой. Под потолком сушилось бельё - гирлянды простыней, делившие пространство на влажные удельные княжества.

Его появление произвело эффект разорвавшейся бомбы. Пианино за стенкой смолкло. Из соседней комнаты вышла

женщина лет семидесяти с лицом, высеченным из морёного дуба, - Вера Семёновна Горохова. Она молча окинула Антона взглядом, от заляпанных дорожной грязью кроссовок до взъерошенных волос, и всем видом выразила полное презрение к его комплекции, чемодану на колёсиках и самому факту его вторжения.

- Галя вас подселила? - спросила она тоном, от которого мог бы заиндеветь чайник. - Нет, я просто... на три дня. По делу, - честно ответил Антон. - Дела тут у всех, - отрезала Горохова и скрылась за дверью.

Следом появился мужчина лет пятидесяти, в застиранной майке, с лицом хронического недовольства - Игнат Цыпкин. Он молча открыл холодильник, уставился в его недра, словно проводил ревизию, хлопнул дверцей и удалился, не сказав ни слова.

Антон понял, что совершил тактическую ошибку, появившись на кухне в час ужина. Он поспешно заварил чай в первой попавшейся кружке и уже направился к выходу, когда из-за занавески из влажных простыней возникла третья фигура.

Хрупкая женщина лет сорока пяти, с испуганными глазами и руками, которые бесконечно теребили то край фартука, то собственную косу. Екатерина Самойлова. - Вы... вы не видели мой половник? - тихо спросила она. - Нет, - честно сказал Антон. - Он же тут был, - прошептала она, скользя взглядом по полкам. - Вечно всё куда-то пропадает.

И тут из глубины коридора донёсся громкий, жизнерадостный и совершенно неуместный голос: - А вот и наш новичок! Коллеги, собираемся! Сегодня, как и положено по вторникам, профсоюзный ужин! Антон Викторович, присоединяйтесь, познакомьтесь со всеми! Не стесняйтесь, мы тут одна семья!

В дверном проёме стоял улыбающийся мужчина с седеющими висками и в новом, но слегка мешковатом костюме. Лев Анатольевич Брусникин, профсоюзный активист дома, как позже, уже шёпотом, пояснила Самойлова.

Отказаться Антон не успел. Его просто вовлекли в общее течение. Через полчаса он сидел за длинным столом на той же кухне, зажатый между молчаливой, как скала, Гороховой и бормочущей что-то под нос Самойловой. Перед каждым стояла тарелка с тушёной капустой и сосиской - «профсоюзный паёк», как гордо объявил Брусникин. Кроме них за столом были Цыпкин, тихий студент Артём и сама пианистка, Ольга Петровна, женщина с усталым лицом учительницы музыки.

- Поднимаем бокалы за гостеприимство и добрососедство! - провозгласил Брусникин, и все, кроме Гороховой, с видимым усилием подняли стаканы с компотом.

Антон делал глоток кисловатого напитка, чувствуя себя настороже. Его внимание, это странное сито, улавливающее мелочи, уже работало. Он заметил, что у Гороховой на тарелке лежала не общая сосиска, а куриная котлета с отдельной

сковороды. Увидел, как Цыпкин яростно ковыряет вилкой в капусте, будто ищет мины. Уловил, как взгляд Самойловой с тоской скользнул по половнику, который теперь мирно висел на своём крючке.

А потом его взгляд прилип к самому Льву Анатольевичу. Тот говорил громко, жестикулировал, но левая рука у него чуть подрагивала. И на манжете слишком нового пиджака виднелось едва заметное пятно. Не от еды. Ржаво-коричневое. Похожее на йод. Или на что-то другое.

Брусникин закончил тост, широко улыбнулся и взялся за вилку. - Ну, приятного всем аппетита! Да здравствует наш... Он не договорил. Вилка выскользнула из пальцев, звякнув о фарфор. Его весёлое лицо исказила гримаса боли и изумления. Он схватился за горло, издав булькающий, хриплый звук, и рухнул лицом в тарелку с тушёной капустой.

Наступила абсолютная тишина. Даже пианино за стеной умолкло.

Потом Екатерина Самойлова тихо вскрикнула. Игнат Цыпкин отодвинул стул с оглушительным скрежетом. Вера Семёновна Горохова медленно, с ледяным спокойствием, положила салфетку рядом со своей котлетой.

Антон Нащокин, бухгалтер из тихого городка, сидел не двигаясь, уставившись на пятно на манжете пиджака мёртвого человека. Его мозг, привыкший к стройным колонкам цифр и сведённым балансам, с ужасающей ясностью выдал первый и пока единственный вывод.

Его собственная сосиска была надкушена ровно один раз.

Глава 2.Общий счёт

Тишина после падения Брусникина длилась секунды, но Антону показалось, будто он провалился в немую, густую пустоту. Язык нащупал во рту холодный, жирный кусочек надкушенной сосиски. Глотательный рефлекс уже сработал.

«Нет», - отчаянно подумал он. Мозг, отделившийся от тела, застыл где-то под потолком кухни.

Он резко наклонился и выплюнул мясную кашницу на пол. Потом, не думая о приличиях, сунул два пальца в рот, пытаюсь вызвать рвоту. Не вышло. Тошнота подкатила комом, но это был ужас, а не яд. Пока что.

- Что вы делаете?! - взвизгнула Ольга Петровна. Её усталое лицо исказил чистый испуг. - Он... он же...

- Успокойтесь, - раздался ровный, ледяной голос Веры Семёновны. Она не встала со стула. - Констатируем факт: Льву Анатольевичу стало плохо. Нужна «скорая».

- Я позвоню! - оживился студент Артём, хватая телефон. Он тыкал в экран, подносил аппарат к уху, и его лицо постепенно бледнело. - Нет сети. Вообще. Ни одной палочки.

- В этом колодце никогда ничего нет, - прошипел Цыпкин. Он стоял над телом, но не касался его. - Надо кричать в окно.

Он бросился в коридор, к парадной двери. Антон, давясь слюной, слышал грохот, скрежет и ругательство.

- Заперто! Наглухо! - крикнул оттуда Цыпкин. - Кто за-

крыл на задвижку?!

Все взгляды повернулись к Вере Семёновне. Та медленно отпила глоток воды.

- Я. В девять. По правилам. Чтобы ночью не таскались кто попало. Открывается изнутри ключом. Ключ, - она сделала паузу, - у Льва Анатольевича. Он отвечал за казну.

Антон оторвал взгляд от своего плевка на паркете. Его ум, привыкший к порядку, начал работать, отсекая эмоции. Факты:

Мужчина мёртв. Это не попёрхивание. Цвет лица, звук падения... Антон видел смерть раз - у деда в деревне. Было похоже.

Он отравился тем, что ел. Общим блюдом.

Он, Антон, тоже ел. Но жив. Значит, яд был не во всей капусте, а в конкретной порции. Или в сосиске.

Они заперты. До утра. С трупом и с убийцей.

Екатерина Самойлова тихо плакала в фартук. Артём тыкал в телефон. Ольга Петровна бормотала: «Господи, Господи...» Цыпкин вернулся, пунцовый от бессилия.

- Значит, так, - сказал он, стараясь говорить властно. - Пока не рассветло, мы никуда. Не паниковать. И не трогать ничего.

- Кроме того, что уже тронули, - тихо сказала Вера Семёновна. Её взгляд, тяжёлый и подозрительный, скользнул по Антону и по плевку на полу.

«Она думает, я пытался скрыть улику», - понял он.

- Он первый начал! - вдруг выкрикнула Самойлова, указывая на Антона. Все вздрогнули. - Он выплюнул! Он знал! Он чужой! Кто его знает, зачем он тут!

Антон почувствовал, как все взгляды впиваются в него, колючие. Он сделал то, что умел в стрессе. Заговорил правду. Невнятную, но правду.

- Я... я не знал. Увидел пятно. На его пиджаке. Ржавое. Подумал... А потом я уже надкусил. Испугался. - Он говорил, глядя в стол. - Выплюнул, потому что испугался. Я не хочу умирать. Я кота дома кормить должен.

Последняя фраза прозвучала так нелепо и искренне, что напряжение дрогнуло. Цыпкин фыркнул.

- Какой кот? О чём ты?

- У меня кот. Марат. Он ест по расписанию, - честно объяснил Антон.

Вера Семёновна вдруг откашлялась. Или это был сдавленный смешок?

- Пятно, говоришь? - переспросила она. - Покажи.

Антон встал и, стараясь не смотреть на лицо Брусникина, наклонился над его рукавом. Пятно было отчётливо видно - маленькое, коричневатое.

- Йод? - предположил Артём, заглядывая через плечо. - Возможно, - кивнула Горохова. - Лев Анатолевич вчера что-то разлил у себя. Возился. Мог запачкаться.

- Так это же... - начала Ольга Петровна.

- Это ничего не значит, - оборвал её Цыпкин. - Значит,

запачкался. Дело в том, что кто-то из нас его отравил. Капусту готовили вместе!

- Сосиски варили в одной кастрюле, - поправила Горохова спокойно. - Но раскладывали по тарелкам отдельно. Капусту тушила я, но мешали все, когда я отходила.

Она произнесла это так, будто сообщала прогноз погоды. Последние надежды на случайность рухнули.

- Я не трогал! - заявил Цыпкин. - Я только солила... - заплакала Самойлова. - Я поздно пришёл! - сказал Артём. - Я накрывала, - прошептала Ольга Петровна.

Антон молчал. Он помогал перенести кастрюлю. Подавал Самойловой половник. Пробовал капусту на соль по просьбе Брусникина за пять минут до ужина. Ложка была одна.

- Значит, яд мог быть в тарелке, - сказал он вслух. - Или на сосиске. Их клали сверху.

Он посмотрел на свою тарелку. Надкушенная сосиска лежала в лужице сока. Остальные тоже разглядывали свои порции.

- Стоп, - Артём вытащил телефон. - У меня... я начал запись. Хотел снять наш ужин. Для себя. Начал, когда все сели!

Все уставились на светящийся экран. Артём дрожащими пальцами листал меню.

- Вот... Вот. Начало. Лев Анатолевич говорит тост...

Он поставил телефон на стол подальше от трупа. Все, кроме Веры Семёновны, столпились. На экране - стол сбоку. Брусникин произносит тост. Камера на уровне груди Артё-

ма.

- Смотрите, - прошептал Антон. Его внимание зацепилось. - Тарелки пустые. Ещё не разложили.

На экране Горохова и Самойлова вносят кастрюлю и миску. Начинается раздача. Движения быстрые. Капусту - половником, сосиски - вилкой. Антон следил за вилкой. Она опускалась в миску и переносилась к тарелкам. Одна - Цыпкину. Вторая - Ольге Петровне. Третья...

Вилка зависла над тарелкой Брусникина. Рука с вилкой (рука Самойловой) дрогнула. В кадр попадает рукав пиджака Льва Анатольевича. Он что-то говорит, машет рукой, и манжета с пятном касается края его тарелки.

- Контакт, - хрипло произнёс Цыпкин. - Он сам! Сам испачкал тарелку!

- Но это йод! - воскликнула Ольга Петровна. - Йодом не отравишься!

Антон не слушал. Его взгляд был прикован к экрану. После того как рукав мелькнул, Самойлова быстро положила Брусникину сосиску. Странно - не сверху, а сбоку, касаясь края тарелки. Того места, куда прикоснулся пиджак.

Запись длилась ещё минуту. Артём выключил её. Все молчали.

- Значит, он отравился тем, что было на пиджаке, - подвела черту Вера Семёновна. - Попало в еду. Нечаянно. Трагическая случайность. - Она посмотрела на Самойлову. - Ты, Катя, клала сосиску, могла задеть.

Екатерина Самойлова стояла белая как мел, беззвучно шевеля губами.

«Нет, - думал Антон, глядя на пол. - Не случайность».

Он заметил то, чего не было в кадре. Когда вилка с сосиской для

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.